

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

СТИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

р о м а н

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

- Б51 Стильная жизнь : роман / Анна Берсенева. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Анна Берсенева.
Изящная словесность).

ISBN 978-5-699-98477-0

Девятнадцатилетняя Аля Девятаева мечтает стать актрисой. И это не пустые грезы: Аля действительно талантлива и незаурядна, ей не хочется утонуть в обыденности. Неожиданно для себя Аля оказывается в самом центре московской стильной жизни с ее презентациями, фуршетами, перформансами... Ей предстоит нелегкое испытание «сладкой жизнью», прежде чем она найдет свое настоящее призвание...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98477-0

© Сотникова Т., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ЧАСТЬ I

Глава 1

«*В* тот же день 26 января туманная завеса, дотеле застилавшая от меня будущее, спала, и я почувствовала, что рождена для славы».

Аля вздохнула и захлопнула книгу. Фотография на обложке не оставляла надежды даже на внешнее сходство. Разве что худоба – это уж точно совпадает. Ключицы, как у Сары Бернар! Есть чему порадоваться...

Не вставая, она поводила ногой по ковру у кровати, но тапки не нашла: наверное, забыла у себя в комнате, перебираясь утром с книгой в родительскую спальню. Але нравилось именно здесь читать по утрам, ощущая босыми пятками прохладу шелкового покрывала. Можно было представлять себя кем угодно – хоть великой Сарой Бернар, хоть принцессой Турандот. Особенно если надеть мамин кремовый пеньюар с гипюровым кружевом и не обращать внимания на то, что кое-где кружево аккуратно подштопано прозрачными нитками, выдернутыми из колготок.

Пеньюар этот был почти семейной реликвией – настоящий, югославский. Настоящий – в том смысле, что куплен он был в самой Югославии, которая десять лет назад считалась почти западной и почти капиталисти-

ческой. Во всяком случае, Инну Геннадьевну категорически отказались выпустить в турпоездку вместе с мужем.

Это было предметом долгих и возмущенных домашних воспоминаний.

– Вот в этом и был весь бред, вся бессмыслица нашей жизни! – восклицала мама даже теперь, спустя столько лет. – Мало им было этих характеристик бесчисленных, этих собраний! Одних протоколов сколько я им принесла... Нет: с мужем нельзя, только поодиночке. Я ей объясняю, этой идиотке: мы не собираемся эмигрировать и даже оставляем вам дочь в качестве заложницы! А она смотрит на меня, как будто я не детский врач, а агент ЦРУ, и без зазрения совести заявляет: малолетнюю дочь вам обязаны будут выдать через Красный Крест, и вы это прекрасно знаете. Бред, больше ничего, даже вспоминать противно!

Так что пеньюар, пожалуй, не должен был навевать приятных воспоминаний. Но он был до того красивый, до того изысканный и смотрелся так необычно – и раньше, на фоне общего дефицита, и теперь, на фоне турецкого ширпотреба. И Аля совсем не думала о том, что прежняя жизнь ее родителей была бессмыслицей и бредом, – а просто любила облачаться в это одеяние и чувствовать себя необыкновенной, загадочной дамой.

В мамино отсутствие, конечно. Аля давно уже поняла, что с мамой лучше не спорить, особенно по таким фундаментальным вопросам, как разделение одежды на праздничную и повседневную. То есть можно было, конечно, с пеной у рта доказывать, что пеньюар – это просто халат, в котором утром пьют кофе, и нечего его лелеять и холить, надевая только по воскресеньям. Но зачем? Все равно по утрам мама уходит на работу, а Аля

остается дома, и можно просто-напросто надеть кремовый пеньюар, забраться на застеленную лиловым шелковым покрывалом родительскую кровать и пить кофе из парадной фарфоровой чашечки, представляя, что читаешь не книжку, а письмо от тайного любовника.

Покрывало, кстати, тоже было югославское и выглядело спустя десять лет почти как новое – конечно, тоже благодаря маминой аккуратности. Если бы Инна Геннадьевна увидела, что Аля валяется на застеленной кровати, да еще с чашкой кофе в руках, возмущению ее уж точно не было бы предела.

– Вот это и свидетельствует о том, что у вашего поколения не осталось никаких жизненных ценностей! – сказала бы она.

– Да ну, мама, при чем здесь ценности, – улыбнулась бы в ответ Аля. – Ну хочешь, в Мавзолей схожу на экскурсию?

– По-моему, я не давала никому оснований подозревать меня в такой глупости, – обиделась бы мама. – Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! В жизни должен быть порядок, иначе все разрушится. «Есть ценностей незыблемая скала!» Да ведь вы поэзией не интересуетесь... Вот я уверена, ты даже не знаешь, чьи это слова!

– Халат, что ли, – незыблемая ценность? – рассмеялась бы Аля. – Ерунда все это, мамуля! И стихи я читаю, зря ты говоришь.

Аля улыбнулась, представив себе незлобный мамин гнев, поставила на пол чашку с застывшей кофейной гущей и встала наконец с кровати. Рядом стояло трюмо. Аля мельком глянула сначала на свое отражение, потом на смятое покрывало. И конечно, не удержалась от при-

вычного, с детства любимого занятия: выдумывать невероятные костюмы из всего, что попадалось под руку!

В одно мгновение она сбросила пеньюар и, стянув с кровати покрывало, завернулась в него, как в тогу, – точнее, как в то одеяние, в котором была сфотографирована Сара Бернар на книжной обложке.

В югославские шелка можно было завернуть трех таких, как Аля; она тут же утонула в лиловых волнах. Хотя покрывало давным-давно уже служило материалом для ее театральных фантазий, Аля снова восхитилась тем, как мгновенно преобразился ее облик. Даже острые плечи словно приобрели какой-то новый, почти величественный разворот, выступая из драпирующейся ткани, даже рука указывала вдаль каким-то особенным, томительным жестом.

Было уже два часа, и нормальные люди об эту пору не валялись с книжкой на кровати и не вертели перед зеркалом, а стояли у токарного станка, или сидели за компьютером в офисе, или выходили в открытый космос, или производили еще какие-нибудь общепользные действия. Или хотя бы просили милостыню в подземном переходе, что тоже не очень-то легко, учитывая ноябрьскую слякоть и пронизывающий мокрый ветер.

Впрочем, Алю меньше всего интересовало, что делают нормальные люди. Она с детства привыкла делать то, что хотела сама, и за свои неполные девятнадцать лет не раз успела убедиться: не всегда это так уж плохо, даже в глазах окружающих.

К тому же ее рабочий день все-таки должен был начинаться, но только через два часа. А до этого надо было перекусить, привести себя в порядок и выяснить, как все-таки строится мудреное сечение пирамиды. Сече-

ния Аля вчера так и не одолела, хотя именно его предстояло сегодня объяснять Наташе Смирновой.

Но насчет задачи она как раз меньше всего беспокоилась: Максим обещал прийти к трем, и можно было не сомневаться, что получаса ему хватит на любую геометрическую головоломку.

Меньше всего Аля Девятаева могла предполагать, что когда-нибудь будет давать частные уроки математики. Да она ее терпеть не могла, эту математику, особенно в старших классах! Правду сказать, если бы родителям не дали новую квартиру так скоро и она не перешла бы в одиннадцатом классе в новую школу, выше тройки Аля на выпускном экзамене не получила бы. Но здесь, в Тушине, школа только что открылась, классы были большие, а учителей не хватало, поэтому требования оказались невысокие, не сравнить с теми, что были в старой школе.

Вообще-то родители удивились, когда однажды вечером накануне переезда Аля спокойно заявила, что вовсе не собирается доучиваться в своей прежней школе.

– Почему? – спросил отец, старательно не отрываясь от газеты, что всегда было у него признаком волнения и внимания. – Ездить далеко не хочется? По-моему, это не причина, чтобы так легко бросать класс, в котором проучилась десять лет.

– Не причина, – согласилась Аля. – Только кто тебе сказал, что я так уж этот класс люблю? Да я его, пап, забуду, как только дверь закрою, ни одной минуты о нем не пожалею!

Аля ничуть не кривила душой, признаваясь в пол-

ном равнодушии к классу, в котором действительно проучилась десять лет. Мало того, она была уверена, что точно то же самое мог сказать любой ее одноклассник, если бы решился не притворяться.

Может, в каких-нибудь школах и была какая-нибудь неповторимая атмосфера – всякие турклубы, драмкружки, дискотеки и прочие мелкие радости, – но только не у них. У них все было то же самое, что и в любой другой школе: немного скучно, немного стебно, немного завистливо и до оскомины привычно.

Разве что вид на Пятницкую улицу из окна химкабинета... Да и то: вырыли прямо под окнами какой-то котлован с торчащими сваями – вот и вида не стало.

– Все-таки центральная школа... – с сомнением в голосе произнесла мама во время того вечернего разговора.

– Ну и что? – пожала плечами Аля. – Ты же сама говорила, что жизнь должна обновляться.

– Но школьная дружба?... – привела последний аргумент Инна Геннадьевна. – Неужели тебе не жаль оставлять друзей?

Нет, честное слово, Але часто казалось, что она гораздо старше своих родителей! Во всяком случае, себя она чувствовала совершенно свободной от таких вот книжных представлений о жизни.

– Какая еще дружба, мама? – улыбнулась она. – Где ты последний раз про эту школьную дружбу слышала, в Артеке? Раз есть школа – в ней должна быть школьная дружба! А у нас ее нет и не было никогда, даже в первом классе. Каждый сам по себе и сам за себя. Зачем я буду притворяться? Ты же вот перейдешь себе спокойно в

новую поликлинику, почему же мне в новую школу не перейти?

– Куда это я перейду? – возмутилась Инна Геннадьевна. – Никуда я не собираюсь переходить. Я всю жизнь там проработала, да у меня уже второе поколение детей лечится! И коллеги... Нет, милая, не все могут – а главное, не все хотят! – существовать без единой жизненной опоры.

Что на это ответишь? Иногда Аля ловила себя на том, что ей просто жаль своих родителей. Хотя, казалось бы, за что их жалеть? Любящие друг друга люди, ни в чем не обиженные судьбой, при любимой работе, квартиру вот получили новую. Но эта их трогательная уверенность в том, что мир устроен правильно и разумно, что весь он укладывается в ясные очертания...

Но, с другой стороны, Аля просто не могла себе представить, как она жила бы, если бы не было на свете вот этого мира ее родителей – со встречами маминых одноклассников через тридцать лет, и крепким вечерним чаем в папином стакане, и светом лампы над его чертежами...

Аля любила перемены и не боялась расставаться с привычным. Одинаково невозможно было себе представить, чтобы она стала переживать из-за переезда в Тушино, или из-за разбитой вазы, или, как ее родители, из-за того, что развалился Советский Союз. Разбилась – купим новую! Кто сказал, что причудливый осколок хуже целой вазы, которая, правду сказать, успела поднадоесть? И будем считать, что отдыхали за границей – в Крыму!

Мама, когда сердилась, называла ее за это бесчувственной и напоминала про «незыблемую скалу». А Аля

просто считала, что иначе теперь не проживешь: надорвешь душу.

Пожалуй, мир ее дома – это было единственное, чем она действительно дорожила. И не потому, что боялась потерять, а просто так – потому что любила.

Звонок в дверь прервал Алины элегические размышления. Часы на кухне показывали ровно три, и Аля улыбнулась, услышав звонок точно после щелчка большой минутной стрелки. Наверное, Максим специально прогуливался у подъезда, несмотря на мокрый снег, чтобы прийти вовремя.

– Привет, Кляксич! – сказала Аля, распахнув дверь. – Мог бы и на пятнадцать минут раньше войти, раз уж пришел. Вон, голова вся от снега мокрая.

– Могла бы прекратить меня собачьей кличкой называть, – заметил в ответ Максим. – Сколько прошу..

Эти слова Аля пропустила мимо ушей. Она знала, что Максим все равно на нее не обидится. А если и обидится – тоже ничего страшного: такая уж у него планета, у влюбленного.

– Обедать будешь? – поинтересовалась она вместо ответа. – Давно лекции закончились?

– Буду, – кивнул Максим. – Да они еще не закончились, я последнюю пару прогулял.

Он посмотрел на Алю, словно ожидая какой-нибудь реакции на то, что пропустил последнюю пару, потому что она просила его приехать к трем часам. Убедившись, что реакции не последует, Максим отвел глаза.

А глаза у него были красивые! Вернее, даже не глаза, а ресницы, длинные и пушистые, как у девочки. Вооб-

ще, внешность у Максима была ничего, вполне: фигура складная, лицо открытое, и ресницы эти... Разве что уши подкачали: до сих пор торчат в стороны широкими лопушками.

– Ты бы их на ночь сеточкой прижимал, – поддразнила его однажды Аля, и он обиделся так, что кончики ушей покраснели.

Впрочем, Максимова внешность ее мало волновала. Хороший парень, они неплохо смотрятся вместе, даже Нелька заметила. Ну и что? По правде говоря, если бы Аля не видела Максима так часто, то вскоре вообще забыла бы, как он выглядит. Бывают же такие люди: вроде и все при них, а не запоминаются.

«А в самом деле, – подумала Аля. – Вот попросили бы меня его описать – что бы я сказала? Нос прямой, губы... Какие губы? Ровные. Что еще? Да ничего! Ни о чем толком не скажешь. Уши да ресницы».

Но долго размышлять о Максиме было некогда и незачем. Пока он мыл руки, Аля налила в тарелку только что разогретый суп и включила конфорку под сковородкой с котлетами.

– Вкусный суп, – похвалил Максим после первой же ложки.

– Это мама готовит, – усмехнулась Аля. – Фирменный рассольник. А я – кулинарная бездарность, так что можешь обойтись без комплиментов. Сметану почему не положил?

– Давай свою задачку, – вздохнул Максим, разбалтывая в тарелке сметану. – Посмотрю, пока ем, а то потом не успею.

– Успеешь, – покачала головой Аля. – Задача-то простенькая, за восьмой класс. Поешь спокойно. Тоже

мне, Юлий Цезарь нашелся! Поперхнешься и умрешь, кто будет отвечать?

Максим учился на первом курсе автодорожного института, и задачка на сечение не должна была вызвать у него затруднений.

– Слушай, Алька, а почему ты математику взялась преподавать? – поинтересовался он. – Ну, хотя бы литературу, что ли, или историю. Ты ж чуть не перед каждым уроком ко мне за разъяснениями обращаешься!

– А ты что, утомился разъяснять? – спросила Аля.

– Да нет, конечно. А все-таки – почему?

– Просто так, – пожала плечами Аля. – Что первое подвернулось. И потом, где это ты видел, чтобы по истории репетитора к детям приглашали? Разве что ко вступительным готовиться. Так это уже серьезно заниматься надо, я бы не взялась.

Она говорила чистую правду. Надо же было чем-то заниматься, раз уж год пропал.

А урок у Наташи Смирновой действительно «подвернулся». Просто Аля обнаружила дома не сданный в библиотеку учебник по алгебре, пошла сдавать и увидела на школьной двери объявление о том, что требуется репетитор по математике к ученице восьмого класса.

– Поражаюсь твоей самонадеянности, – сказал тогда отец. – После всего, что ты утворила с поступлением, спокойно браться за репетиторство! Ты считаешь, у тебя достаточно знаний, для того чтобы передавать их другим?

– Может, и недостаточно, – заявила Аля. – Ну и что? Не на завод же идти. Разберусь как-нибудь. Если что, у Максима буду консультироваться.

«И вставать не надо чуть свет», – добавила она про себя.

– Но ведь тебя никто не принуждает устраиваться на работу, – тут же начал оправдываться Андрей Михайлович. – Я вообще считаю: раз уж так получилось, самое лучшее – спокойно подумать о будущем и начать готовиться к следующему году.

– Буду, – немедленно пообещала Аля, чмокнув отца в щеку. – Буду, папа, готовиться в поте лица.

– Несерьезная ты девушка, Александра, – попытался обидеться отец. – Мы с мамой, между прочим, еще не простили твоей дурацкой выходки!

Эти слова Аля пропустила тогда мимо ушей; так же, как теперь – Максимовы обиды на прозвище Кляксич.

– По-моему, что-то горит, – заметил Максим. – Что-то мясное.

– Котлеты! – ахнула Аля. – Все из-за электроплиты, никак не могу привыкнуть, что огня не видно!

– Надо было хоть маргарин положить, – сказал Максим, наблюдая, как Аля щелкает выключателем и поднимает крышку со сковородки. – Это же не микроволновка. И зачем ты их все разогреваешь, я столько все равно не съем.

– Ох и нудный ты человек, Кляксич, – рассердилась Аля. – Разогревал бы сам! Может, я увлеклась беседой с тобой и забыла обо всем на свете?

– Да уж! – усмехнулся тот. – Ты сковородку переставь, конфорка же не сразу остывает.

К счастью, пригорели только те котлеты, что лежали внизу. И конечно, надо было разогревать не все и положить масло. Но ведь об этом надо было подумать специально, а не просто щелкнуть выключателем под